

Юрий Чемша

Юрий Чемша

Отдохните, сударыня!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096507

Отдохните, сударыня!:

ISBN 978-5-88010-645-5

Аннотация

Юрий Чемша, по профессии инженер, член Российского союза писателей, утверждает, что в жизни есть много весёлого. Достаточно просто подыскать соответствующую точку зрения.

Книга предназначена для читателей, желающих поднять себе настроение.

Содержание

Предисловие	5
Карман	8
Ворона	11
Буква Зэ	18
Снимок на память	23
Противопожарное	25
Про душевую в общежитии	36
Искусственный интеллект на службе у Клавдии, жены Леонтия	41
Разноцветное лето	47
Диссертация, унитаз и пистолет. И Karcher!	49
Глава первая	49
Глава вторая	52
Глава третья	54
Глава четвёртая	58
Глава пятая	61
Глава шестая	63
Глава седьмая	66
Глава восьмая	68
Василий и стихотворный размер	72
Василий и отнудитель-от-брехни	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Юрий Чемша

Отдохните, сударыня!

©Чемша, Юрий, 2020

©Издательство ИТРК, издание, оформление, 2020

Предисловие

Автор, сударыня, несказанно рад, что при всей Вашей занятости у Вас вдруг нашлось-таки время для досуга. Но ещё больше автор рад тому, что Вы решили на досуге посмотреть его книгу.

Автор надеется, что она позабавит Вас и этот неожиданный досуг скрасит.

Впрочем, из своего опыта общения с различными сударынями автор вывел, что редкая из Вас читает случайно попавшие в руки книги, а тем более – предисловия к ним.

И автор даже хотел не писать никакого предисловия.

Ну а что, некоторые так и делают. Начинают прямо с того, что сразу берут быка за рога. Например, один из друзей автора, будучи за столом в сугубо мужской компании, любит начинать так: «Наш майор по понедельникам походил на тореадора, которого только что нанизал на рога бык: лицо красное, хочет что-то рявкнуть, а слова не выходят. И всё оглядывается, эдак, за спину, смотрит, куда вошёл рог...» Прямо так и начинает, без вступления. И все за столом без всякого предисловия понимают, о чём сейчас будут слушать – о славном армейском прошлом.

Нет, сударыня, в этой книге не будет про армию. Тем более – про быка. Что Вы сказали? Я обещал про быка и рога? В предыдущем абзаце? Да нет же, дорогая моя сударыня, это

была просто идиома. Нет, «идиома» – это не о жене майора. Чувствуется, Вы разочарованы. Вам хотелось бы про майора с рогами. Ах, лучше б автор не писал этого предисловия...

И он бы не писал. Но редактор, который не менее моего любит и уважает всех сударынь нашей планеты, утверждает, что предисловие – обязательная дань литературным традициям, неременный элемент любой книги. А отсутствие предисловия обязательно будет расценено грамотными сударынями как грубая невежливость со стороны автора.

Автор всегда считал, что вежливость как форма поведения выдумана цивилизацией вынужденно, лишь из-за тесноты проживания с соседями.

И действительно, сейчас развелось столько пишущей братии, что нас, авторов, можно, как шпроты, укладывать в консервные банки и даже не заливать прованским маслом, а просто писать: «Авторы в собственном соку». Безусловно, в такой тесноте автору хотелось бы показаться заметным хотя бы своей вежливостью, почему он и взялся написать это предисловие.

И вот оно, наконец, сударыня, читайте!

Всё, о чём написано в этой книге, случилось на самом деле. Поэтому автор тщательно изменил реальные имена персонажей на сугубо непохожие и даже кое-где чуть-чуть при-вр... прифантазировал. И если Вы, сударыня, вдруг вспомните, что и в Вашей жизни был точно такой же случай, и

*закончилось всё почти так же, то всё равно знайте: нет,
эта книга точно не про Вас.*

Карман

Прохудился у меня как-то в пиджаке карман. Да самый любимый: я в нём пропуск на завод держал. Этот пропуск карман и продрал.

Теперь подходишь к проходной утром, сонный... Как обычно, хватаешься за карман, а пропуска там и нет! Роешься, роешься, никак не вспомнишь, в какой карман ты его положил. А сзади напирают. Не будешь же им про карман объяснять...

Звоню с работы Светочке, она мне: «Ты напomini вечером, хорошо?» Хорошо-то хорошо, но вечером я, естественно, забываю напомнить, а она, соответственно, забывает зашить. Утром я – хвать себя по карманам, не забыл ли чего – а пропуск не там, где привык.

– Света, – говорю, – а карман-то не зашит!

– Ты мне вечером напomini, пожалуйста...

Естественно, я опять вечером забываю напомнить, а она...

Ну, в общем, эта история повторилась не один день.

Наконец приходит день, когда ты встаёшь не с той ноги. Я думаю, у каждого человека бывает такой день, когда всё не так. И песня не та с утра в голове крутится, и небо недостаточно голубое. А тут ещё и – лап-лап! Точно: карман так и не зашит.

«Ах, так? – думаю я и постепенно свирепею, – две женщины в доме! Одной, правда, только двенадцать, но ведь иголку в руке держит! Эх, сейчас я вас обеих построю! Ой, как вы у меня в четыре руки, в четыре иголки приметесь за этот несчастный карман! Нет, сначала потребую, чтоб на первый-второй рассчитались. Первый! Второй! Ещё раз, нечётко! Первый! Второй! Ещё раз! Первый! Второй!.. Вот теперь будете знать, как уважать своего папочку. Даю полторы минуты на весь карман! Да, и ещё к ужину праздничный пирог, мой любимый!»

И набираю полную грудь воздуха, чтобы как следует гаркнуть:

– Ап!..

Но тут из спальни голосок моей Светочки. Ну Вы теперь знаете, сударыня, этот ангельский голосок, от которого у меня уже вот почти двадцать лет мурашки в ушах:

– Юрочка-а!..

Вспомнила! Неужели вспомнила? Точно, вспомнила!

«Ах, – думаю, – какая же ты сволочь, так называемый “Юрочка”! Она же устаёт не меньше тебя! Она и дома всё успевает, и пирог иногда, и борщ. И сегодня всю ночь не спала, видать, про этот карман думу думала. И что ты за человек такой, “Юрочка”? Ну подумаешь – карман. Да возьми ты сам у секретарши иголку да зашей. Три стежка всего... Прости меня, мой ангел, прости. Никогда-никогда я не буду поднимать на тебя свой зычный голос, даже мысленно...»

Тем временем из спальни снова:

– Юрочка-а!

«Да не буду я ничего, радость моя, не надо никакого пирога и даже борща, тем более что он всегда пересолен. Вообще ужина не надо – я корочку погрызу! Пошёл я, ухожу уже! Спи-досыпай, родная. Пожалуйста...»

– Юрочка-а!..

Стараясь не переступить каблуком, осторожно отзываюсь:

– Что ты, Светочка, спи! Извини, я тут неловко ботинком шаркнул...

– Юрочка, у вас на заводе сегодня аванс выдают. Так ты его в тот карман не клади...

Ах ты ж, милая радость души моей!

Ворона

Недавно отбрасывал снег от гаража.

Прилетела ворона, уселась на ветку сухого дерева напротив и стала наблюдать за моими стараниями. Вороны, сударыня, непростые птицы.

Они любопытны, умны. Азартны и насмешливы. Пошурдите в интернете, и Вы увидите немало роликов, где они дразнят зверей и людей – просто так, для развлечения. Разве что не разговаривают.

Моя ворона сидела и пялилась на мои старания. То одним глазом, то другим. Нашла себе зрелище.

Организм мой, сударыня, на публике робеет. Читая доклады с трибуны, я всегда смущаюсь, потею, поминутно пью воду из стакана. В прениях беспомощно облизываю губы и прошу долить графин.

Поэтому в юности никогда не пробовал стать, например, певцом, хотя голос есть. Правда, в школьном хоре поговаривали, что нет слуха, но, согласитесь, зачем слух тому, кто поёт? Слух нужнее тому, кто слушает.

Прилетел ветерок, лёгкий порыв, заблудившееся дуновение. Ворона слегка захлопала крыльями, сохраняя равнове-

сие. Это было похоже на аплодисменты, вялые, но одобрительные. Волей-неволей я приосанился, принял молодецкую позу, при броске громко выдыхал «Хе-е!» Лопата перестала выворачивать мне руки. Снег летел по замысловатым траекториям, выписывая вензеля на ту же букву, что и «хе». Красиво укладывался ровным бруствером. Бруствер толерантно не задевал соседских границ.

Когда я менял лопату – лопаты у меня разные, одна для ковыряния, другая для бросания – или делал передышку, ворона считала это новым номером, бурно аплодировала и поворачивала ко мне другой глаз. Иногда переступала лапками по ветке туда-сюда, как будто у самой коготки чесались побросать.

«О чём думал её изошрённый мозг? Чем была занята её премудрая голова?»

Я счёл правильным честно предупредить зрительницу:

– Послушай, – говорю, – мышку я тут тебе не вырою. Тем более, кусочек сыру. Шла бы ты...

Но она не шла. Она явно сидела из чистого любопытства.

О чём думал её изошрённый мозг? Чем была занята её премудрая голова? Если бы я был вороньим Фрейдом и мог читать по глазам! Увы, чисто геометрически я мог заглянуть только в один глаз. Истинная правда легко могла быть сокрыта в другом.

– Ну, скажи что-нибудь, – просил я ворону. – Что ты обо всём этом думаешь? Тебе не нравится? Смотри, как закрученно летит эта порция!

– Кар-р! – нейтрально говорила ворона и почёсывала себя ногой. Мол, видали мы и получше вензеля.

Мимо проходил сосед по гаражу Витёк. Вы, сударыня, наверняка слышали, что в гаражах мужчины хранят всякие записки, но не обязательно в долларах и евро. Чаще в более удобной валюте, пригодной для выходного дня.

Витёк посмотрел на меня, похвалил мой бруствер. Потом оценил свой сугроб. Сугроб тянул часа на три работы.

– Восьмитысячник, – посочувствовал я. – Джомолунгма.

Витёк вздохнул.

– Афанасьич, ты не знаешь, шо сегодня за день?

– Март, – отвечаю.

Витёк кивнул головой, после чего вновь внимательно рассмотрел свой сугроб. Мысли его ясны были без всякого Фрейда.

– Эй, Афанасьич, так сегодня же биатлон!

– Ещё три часа. Да и наших там нет, перестали в мишени попадать.

– Да, читал... Стволы у них погнулись, а лыжи враги наждачной шкуркой обклеили, не скользят. Афанасьич, слушай, копни мне тут, чтоб ногу поставить. Мне к замку подойти.

Вы, сударыня, уже наверняка встречали людей, виртуозно вскакивающих Вам на шею. Возможно, это был Ваш старший брат в детстве, пообещавший маме вместе с Вами начистить картошки и убежавший на свидание. Или теперешняя ваша свекровь, затеявшая лепить вареники, но телефон отвлек её на два часа – как же, важный звонок... Людей, вскакивающих Вам на шею, надо стрелять на середине прыжка.

– Да возьми у меня, вон, вторую, – киваю Витьку.

– Спина у меня, – врёт Витёк. – Вот только что. Двадцать шагов до тебя не дошёл...

Хотел я ему рассказать, как на самом деле должна выглядеть больная спина, уж я-то знаю... Да тут вдруг увидел, как ворона аж приподнялась от любопытства. Как же, завязыва-

ется интрига – её стихия! Может, дойдет до раздора, а потом и кульминация – драка! Ах, потеха!

А вот тебе, затейница! Интриганка! Тремя бросками копаю Витьку ямку для ноги.

– Спасибо, дорогой. Зайдёшь? Там у меня осталось ещё то, из яблоч.

Напитки у Витка качественные, но мне жаль терять здоровье, накопленное за эти два часа на свежем воздухе.

Витёк вздыхает, сравнивая свой сугроб с моим вычищенным проездом. Даже вороний Фрейд определил бы, что сейчас его мучает дилемма: чистить или не чистить? Возможно, в глубине его сомнений зреют ещё и угрызения совести.

Неожиданно источником этих угрызений Витёк назначает меня:

– Слушай, на хрена ты его чистишь? Скоро же всё само потает!..

И в ту же секунду меня проняло, как молнией! Стало ясно, о чём думала ворона, чему удивлялась!

«Весна, дурень! Само потает!»

Ну не хамка ли!

Я леплю снежок и кидаю в ворону. Снежок пролетает далеко мимо. Ворона снисходительно-издевательски аплодирует. Умей она свистеть, свистела бы сейчас в два пальца.

Я окончательно отказываюсь от приглашения Витька, складываю лопаты и запираю гараж.

Убедившись, что занавес опустился и продолжения не бу-

дет, птица лениво взмахивает крыльями и медленно удаляется писать критическую статью на спектакль.

С трепетом жду разгрома в соответствующих кругах.

Буква Зэ

Приехал как-то из своей провинции к дочке в гости. Это в столице, рядом с метро «Тушинская».

Бегаем во дворе с внучкой. Настя спасается от меня в лабиринтах красивого тренажера – современного детского городка. Я изображаю волка, который вот-вот должен её съесть.

Я заметил, что всем детям до трёх лет нравится быть вот-вот съеденными. Лучше, если волком. Людоеды на втором месте – наверное, потому, что ну уж очень страшные.

Каждую секунду волк вот сейчас, вот ещё чуть-чуть – и схватит Настю! Р-р-р-р-р! Самую малую малость бы ему постараться и – ох, достанется Насте. Ух, как же ей достанется! Р-р-р-р!

Визжит Настя на весь большой московский двор. Но каждый раз буквально в последний момент ей как-то удаётся ускользнуть! Сама не знает, как. Злодей только успевает щелкнуть своим жёлтым кариесным клыком и алчно облизнуться.

В смысле, обмахнуть пот со лба и лысины.

Раскраснелся злобный зверь, запыхался. «Нет, – думает про себя тоже злобно, – пора худеть. Как же мешает этот проклятый жирный живот! А ведь когда-то полторашку бегал, и неплохо – до финиша добегал! А если ещё придётся съесть

эту девочку, то и до подъезда не дойти. А и дойдёшь – лифт не поднимет...»

Замешкается волк, чтоб хоть отдышаться, как тут же слышит:

– Дидя, огони меня!

Настя уверена, что на языках волков всего мира это означает: «Деда, догони меня!»

Рядом ещё двое детей – мальчик и девочка. Девочка совсем большая, лет пяти. Мальчик чуть больше Насти, года три. Типично столичные дети. Вежливые, бледные и такие серьёзные, что и на детей-то не очень похожие.

Сжалился волк над столичными детьми, решил их тоже слопать. Как рыкнет зверем на старшую, на девочку! Но та поджала губу и снисходительно сказала:

– Не надо меня есть, я уже бо-ольшенькая.

«Не бо-ольшенькая, ты, – подумал волк грустно и сочувственно, – а ста-аренькая...»

И побежал за Настей. Слава Богу, ей только два, только-только разговаривать научилась, не остолчилась ещё...

– И-и-и-и! – визжит Настя и вспархивает по крутой лестнице детского городка на недоступную для волка высоту. – Бу-ум! – это волк с разбегу бьётся головой о красивую, но твёрдую лестницу. От удара щёлкают клыки и скребут по лестнице когти. Старенькая московская девочка сопровождает этот «Бу-ум» одобрительной улыбкой.

Всем ясно, что волку после «бума» надо немного очухать-

ся. Решил он, наконец, отдышаться и почесать голову в том месте, где приложился к ней «бум».

Воспользовавшись заминкой, не выдерживает всё-таки столичный мальчик. Подходит к волку и вежливо просит:

– А догоните, пожалуйста, и меня!

«Ну нет, ещё один завтрак я не одолею», – думает волк. – Да и мальчик какой-то... несъедобный. Зелёный... Нет, откажусь. В конце концов, бывают же и гуманные волки!»

А вслух говорит – со всей хитростью, на какую способны только умные волки:

– Как же я тебя догоню, если ты хочешь бежать в другую сторону?

И чувствуется, что попал! Разгадал тайные помыслы коварной дичи! Это видно было по разочарованному лицу несъедобного дитя.

Мальчик не сдаётся. Вдруг он предлагает другую игру:

– Тогда отгадайте, как меня зовут?

Волку неожиданно нравится эта передышка. Тем более, что все волки, особенно умные, непременно хотят при любом случае блеснуть интеллектом. Он достаёт платок и вытирает со лба пот. Чтобы исключить проигрыш, волк – вот же коварная зверюга! – задаёт хитрый-прехитрый вопрос:

– Как же я угадаю, как тебя зовут, если я не знаю даже, на какую букву тебя зовут?

И, довольный собой, прячет платок в карман.

– На букву «Зэ»! – охотно откликается мальчик.

«Бедный маленький несмышлёныш» – думает волк и ему становится даже немного неловко: такая лёгкая буква.

– Конечно же, ты... З-Захар! – делает волк первый ход, уверенный, что это 90 процентов успеха. Сейчас все молодые родители любят старинные имена.

– Нет! – радостно хохочет ребенок, – не угадали.

– Тогда ты – З-Зиновий!

– Не-а! – ещё радостнее смеётся мальчик, а девочка зло-радно хихикает искусственным смешком будущей ведьмочки. У неё получается раздельно:

– Хи-хи-хи!

А потом ещё и объявляет строгим голосом вокзальной дикторши:

– У Вас осталась последняя попытка!..

«Чёрт, что-то ничего больше в голову не приходит. Пора сдаваться. Лучше б я их тут всех съел, что ли... Что ещё может быть на букву “Зэ”? Может, я не в той национальности ищу? Где-то у венгров есть на букву “Зэ”...»

– Всё! Я угадал! Ты, конечно, З-золтан! – озаряет волка. Он снова достаёт платок, уверенный, что на земном шаре больше нет имён на букву «Зэ».

– И не угадали, и не угадали! – ликуют оба ребёнка. Становится понятно, что они брат и сестра. От удивления волк съёт платок не в тот карман.

– Ладно, – покорным тоном поверженного провидца говорит он, – Сдаюсь.

Мальчик и девочка довольно переглядываются. А волка уже теребят за штаны: отдохнул? Пора! Забыл, что ли, зачем приехал?

Может, ты знаешь, как его зовут? – обращается он к внучке Насте и слышит:

– Да! З-зэня!

Брат и сестра заливисто смеются каким-то особенным, недетским столичным смехом, к которому, когда они вырастут, можно будет применить эпитет «противный».

– Дидя, огони меня! – пищит Настя. И как-то удивительно вовремя, как раз тогда, когда волк не знает, куда деться от стыда и досады.

Сорвавшись с места, он радостно мчится (это волку так думается, а на самом деле – ковыляет) за любимой дичью, придерживая трясущийся живот, и сея, как ему кажется, вокруг себя страх, панику и ужас. А попутно волк ещё иллюстрирует звучным рыком свою звериную хищность, оскалом – жуткий голод, полусогнутыми ногами – стремительность и решимость, ну а лысиной – возможно, ум.

Если, конечно, он у него есть.

СНИМОК НА ПАМЯТЬ

Прихожу с работы. Светочка моя прихорашивается у зеркала.

Бусы навешены, наводятся глазки.

– Куда это ты, моя дорогая?

– Я иду фотографироваться.

В панике тупо перебираю все даты, которые помню. Свадьба? Свадьбу помню, ещё три недели до даты. День рождения тёщи позавчера был. Нет, неужели?..

– А почему одна?

– Справлюсь и одна. Ты там на кухне поищи, что понравится.

– Дорогая, мне нравишься ты. Но только скажи, по какому поводу...

Молчание. Вот, наконец, тщательно подведена последняя бровь.

– Светочка, не томи. Ну не помню я, режь меня...

– Что не помнишь?

– День первого поцелуя. Помню, был дождь...

– 12 апреля, День космонавтики.

– Правильно! Как я забыл? Гагарин, «Поехали!..»

– ...и мы поехали знакомиться с моей мамой.

– Точно! Маму помню.

– Тебе не кажется, что левая бровь получилась выше?

– Да, самую малость. Но это здорово придаёт тебе шарма. Фотограф будет покорён.

– Не думаю. Там женщины обычно.

Хлопает дверь. Иду на кухню, всё ещё ковыряясь в памяти. Нет, схожу в тату-салон, сделаю татуировки по всем знаменательным датам, решено. Завтра же. На лбу – день знакомства, на пальцах: на мизинце – день первого поцелуя, потом второго и так до двадцати...

Через два часа – звонок. Счастливая Светочка на пороге.

– Посмотри, как здорово получилось.

Мне протянули панорамный рентгеновский снимок челюсти.

Благословенны будьте, все женщины земного шара!

Противопожарное

«...А для тебя, Юра, мой подробный технический отчёт по пожарной безопасности может послужить сюжетом для очередного шутиwego воспоминания.

*С наилучшими пожеланиями, Толик...»
(Из письма друга)*

Ох, Толик, не хотелось бы шутить по поводу противопожарности.

Я директор маленького инженерного предприятия. У нас есть опытная мастерская.

Уже два года как оставили нас в покое пожарные, спасибо правительству. А когда-то...

Однажды мне позвонила дама с глубоким грудным голосом, который сразу же, с первых звуков покориw меня. Он как бы окутывал собеседника и одновременно пронизывал. Если бывает женский звонкий бас, то это был он. Как-то так, Толик, точнее не могу сказать, честно.

Я сразу же представил себе, что дама с таким объёмным голосом имеет соответствующего размера грудь. Тут я имею в виду грудную клетку, а не то, что ты мог подумать, когда прочёл, или я подумал, когда написал.

– Юрий Афанасьевич?

– Да, это я.

– Вы директор предприятия ООО «Удалой сварщик»?

– Пока да.

– Очень приятно. Вы сейчас заберёте меня на перекрестке

Литвинова и Красина.

В трубке слышны были и мужские голоса с отработанными командными интонациями. Становилось интересно.

– Хорошо, согласен, заберу и...

– И мы поедem на Ваше предприятие.

– Там скучно, девушка. Там железки и грубияны.

– Ничего. Со мной и грубиянам всегда весело (одобрительное хихиканье мужских голосов).

– А как я Вас узнаю, прекрасная незнакомка?

– Легко. Я буду в форме.

Я подумал, что это не самая лучшая примета для меня, человека, который «в форме» с годами бывает всё реже.

– И всё-таки, что за форма? Вы армия, милиция, или что серьёзнее?

– Гораздо серьёзнее. Позвольте представиться – инспектор по пожарной безопасности, лейтенант Сокольская. Яна Михайловна. – В трубке загоготали мужские голоса.

Тут я, как ты, Толик, понимаешь, сильно приуныл. Прежний инспектор Юра как-то давал о себе знать заранее. Мы успевали подмести и накрыть стол.

Подъехал к назначенному перекрестку. Юная девушка,

действительно, в форме. Погоны, брючки, туфли казённые, но маленькие, по ноге. Стесняется. По телефону держала себя бодренько потому, что рядом были сослуживцы, надо было соответствовать. А передо мной, как выяснилось, и не очень надо, я сам соответствую. Мне даже стало её чуть жалко.

Ну и, конечно, ещё голос. Я был покорён этим голосом, как сейчас бывают покорены члены жюри соответствующей передачи. Он шёл из глубины грудной клетки, откуда-то аж из зоны таза. Впрочем, у Яны Михайловны – не таза, а изящного девичьего таза.

Мы разговорились. Через десять минут дороги напряжённость пропала. В институте Яна Михайловна играла в драмкружке. Роковых женщин. Падая на колени, она восклицала: «Аркадий, я хочу услышать правду от Вас: теперь Вы меня не полюбите? Никогда?..» Режиссера радовало, что у её голоса от природы есть специальный режим, он называл его – «роковой».

В машине со мной Яна Михайловна говорила обыкновенным меццо-сопрано.

Приехали в нашу мастерскую.

– Ну вот, ходите, рассматривайте, – пригласил я. – Тут вот трубы круглые, тут прямоугольные. Прямоугольник – это располневший квадрат, как Вы помните из школы. А тут листы.

– Глисты?!

– Нет, глисты – органика. Органика пожароопасна, поэтому её не держим. А листы – нет. Вот они, железячки.

Обходя стопку листов в грязной, жирной эмульсии, Яна Михайловна пошла вдоль стены. С каждым шагом тон её становился официальнее.

– О, а у вас подрозетник из фанеры!

– Увы, из фанеры... – я развёл руками. – Фанера ток не проводит, нам это нравится.

Напрасно я не скрыл сарказма в тоне. Яна Михайловна заговорила инспекторским тоном.

– Вы, Юрий Афанасьевич, не представляете, сколько в нашей области в этом году пожаров из-за подрозетников! Нам каждый день читают оперативки.

– Верю, – послушно согласился я. – Поэтому у меня дома подрозетники из самана.

– Из чего?

– Из самана. Новый материал, типа керамики, когда застынет. Правда, стынет три года.

– Ах вот, значит, как! Дóма у вас из новейшей керамики, заграничной, небось. А на работе пусть возгораются? Уж переделайте, пожалуйста, и здесь на правильные. Керамику мы учили. Я посмотрю в инструкции, какая у вашего самана степень опасности, – пообещала Яна Михайловна и записала что-то в свою книжку.

– А это что? Какая-то органика! Пищеотходы с мусором!

– Это еда. Сейчас тут будет обедать наш Василий, он пока

курит.

– У вас курят? – с надеждой оживилась Яна Михайловна. – А где?

– Он ходит на завод в специально отведённое место, – со-
врал я, чтоб она не заглянула за угол здания.

Тут появился Василий.

Надо сразу сказать, что Василий – гордость нашего пред-
приятия. Высокий красавец с мастеровитыми руками и доб-
рой, любвеобильной душой – такие люди не могут не нра-
виться женщинам. Я как-то писал о его единственной неуда-
че, когда он не понравился местной негритянке. Ну так у Ва-
силия зуб тогда болел. А вот если б не зуб...

Когда женщины видят Василия, они мгновенно беремене-
ют.

С Яной Михайловной произошло чудо: погоны на её фор-
ме превратились в какие-то кружевные фестончики, а сама
она приподнялась в своих казенных туфельках, как будто на
них появились неуставные высокие каблуки. По инерции её
меццо-сопрано ещё успело спросить у меня:

– А это что? – но в последнем слове уже само собой пере-
шло на «роковой». – Опилки!

«Коленки! Боже, у меня сами собой подгибаются коленки!
А я мелю тут эту дурацкую чушь про опилки», – перевёл я
на сценический язык её реплику. А вслух кротко сказал:

– Это стружка, Яна Михайловна.

– Между прочим, железные опилки горят, – сообщил нам

роковой голос Яны Михайловны, и мне опять послышалось: «Аркадий! Я вся горю! Спасите меня, о бездушный...»

Василий, услышав голос, блеснул глазами и поправил какой-то гаечный ключ в брючном кармане комбинезона.

– Опилки? – удивился я. – Быть не может! Давайте подожжём.

– Вот вы смеётесь, Юрий Афанасьевич, – сказал неожиданно Василий, пожирая блестящими глазами Яну Михайловну, – а я поджигал.

«Заставлю вражину после работы поджечь его собственную “Ниву”», – пообещал я себе.

У забеременевшей пять минут назад Яны Михайловны от счастья тут же начались схватки:

– Нас учили, Юрий Афанасьевич, что опытный рабочий всегда знает о пожарной опасности больше своего начальника.

Тут Василий посмотрел на моё лицо и что-то увидел там.

– А нет, Юрий Афанасьевич, я спутал. Это я магниевые опилки поджигал.

Я облегчённо выдохнул:

– Вот когда начнём делать еропланы, Яна Михайловна, – а они сплошь из магния – мы Вас пригласим что-нибудь поджечь. Там много чего можно утворить таким пироманьякам, как наш Василий... – я значительно посмотрел на умника.

– Обязательно приеду, и мы с Василием зажжём, правда, Василий? Кстати, Василий, раз Вы курите, у Вас должны же

быть спички. Где Вы их держите?

Я показал Василию из-за спины Яны Михайловны кулак.

– Всё, бросил только что. Выкурил последнюю, выбросил пачку и спички.

– Жаль, – сказала Яна Михайловна и временно приостановила схватки. – Может, хоть пару спичек завалилось в кармане?

Такое рвение понравилось бы её начальнику, но не мне как проверяемому.

– Что же тут жаль, Яна Михайловна, – вмешался я, – человек, наконец, бросил курить. Радоваться надо. Василий нас каждый день этим радует...

– Посмотреть на Вас, да ещё в форме... каждый бросит, – добавил Василий и ещё раз повёл глазами по фигуре Яны Михайловны. – Да я бы и без формы... бросил...

Размякшая Яна Михайловна приняла это за комплимент. Она благодарно посмотрела на Василия и её, видимо, временно отпустило:

– Так, я тут у вас всё осмотрела, у вас четвёртая степень, самая неопасная. Василий, помогите мне переступить через эти, как Вы их зовёте, г... листы.

Рука Василия приняла кисть пожарного инспектора, и я услышал гул и треск возгорающегося пожара.

– Спасибо, Василий. Жаль, мне пора.

– И мне тоже, – сказал Василий.

– Ему тоже пора? – с надеждой спросила у меня Яна Ми-

хайловна.

– Нет, ему тоже жаль, – ответил я строго. – Ему жаль, что ещё три часа рабочий день как-никак.

– Тогда я с Вами, Юрий Афанасьевич, мне надо с Вами кое-что по бумагам решить.

Я представлял примерно, о каких бумагах будет идти речь.

Тут Василий механически хлопнул себя по карману, как бы ища спички. По-моему, с этого момента он решил снова начать курить.

– Может, лучше с Василием? – предложил я, всячески оттягивая момент беседы с инспектором с глаза на глаз. – Вот он как раз в форме... В смысле, в фирменном комбинезоне. По-моему, в правом кармане у него что-то выпирает, и кажется, спички...

Яна Михайловна заворожённо разглядывала правый брючный карман, не распознавая в округлой выпуклости на ткани угловатости спичечного коробка. Василий демонстративно вынул из кармана гаечный ключ. Выпуклость не исчезла.

– Но ведь он сказал, что бросил курить, – задумчиво напомнила мне Яна Михайловна. Подтверждая эти слова, Василий вынул из кармана второй ключ. Впрочем, выпуклость не исчезла и всё так же притягивала взгляд Яны Михайловны.

«Ладно уж, не буду поджигать его “Ниву”», – мысленно

смилоствивился я, а вслух предложил:

– Может, обыщем его карманы?

– Ещё чего, – с сожалением отвела, наконец, взгляд от молодецкого кармана Яна Михайловна. – Нет, это с Вами вопрос, Юрий Афанасьевич. Вы же отвезёте меня назад?

– Обязательно и с удовольствием.

Мы попрощались с Василием. Василий долго тряс руку Яны Михайловны, пока она, наконец, окончательно не родила:

– Хорошо тут у вас. Люди приветливые. Пожалуй, я к вам буду почаще наезжать.

– Наезжайте. У нас тут пожаробезопасно, всего четвёртая степень. Яна Михайловна погрустнела: я напомнил ей о её обязанностях.

Мы сели в мою машину и покатали назад. Сильно стесняясь и смущённо звеня меццо-сопрано, Яна Михайловна озвучила, наконец, истинную цель визита:

– У меня наказ от начальника, Юрий Афанасьевич: мне обязательно надо привезти от Вас пять тысяч рублей. К нам приезжает из Москвы инспекция, и начальник расписал нас по предприятиям.

Видно было, как трудно далась юному порядочному человеку эта речь. Зато теперь, когда, наконец, всё сказано, дальше стало заметно легче.

– Что будет, если я не соглашусь? – спросил я, представляя, впрочем, ответ.

– Тогда мне напишут несоответствие, а нашей области – замечание. А это уронит её честь. Я могу дать квитанцию, вот, я ещё на работе заполнила.

Что ж, разве не найдется у директора даже самого мало-мало-го предприятия пяти тысяч для спасения противопожарной чести области?

– Не надо квитанции, Яна Михайловна. На Вас посмотреть – сразу видно, что Вы не для себя. Кстати, о чести. Сказать по чести, не люблю я всякие инспекции.

– Согласна с Вами, я тоже.

Каждый из нас, понятно, имел в виду разные инспекции и разные чести.

Мы помолчали. Я достал бумажник.

– Если у Вас будут какие-то вопросы по саману, то меня может не быть на работе. Я дам Вам номер телефона Василия, он найдёт, что ответить.

– Хорошо, Юрий Афанасьевич.

– Нет, скажите, пожалуйста, это роковым голосом.

Она улыбнулась, взор её весело блеснул.

– Очень меня обяжете, Юрий Афанасьевич, если дадите ему ещё и мой.

Я рассказал, как перевёл эту её фразу мой мозг: «О, Аркадий, Вы великодушны, как ангел! Вы спасли мне жизнь!..» Мы долго смеялись. Всё же ей было бы лучше в театре.

На прощанье я сказал:

– Интересная у Вас работа, Яна Михайловна, но Вам не

позавидуешь, уж извините. Не для Вас она, честное слово. Пропадёте Вы там со своей деликатностью. Попросите комиссию, чтоб Вам написали несоответствие.

Через небольшое время Яна Михайловна ушла в декрет, тем и спаслась. Наш Василий уверяет, что он тут совершенно ни при чём.

И правда, там, в трубке, много было всяких мужских голосов. И покушавшихся на честь, и спасавших её же...

Вот опять ты, Толик, разбередил мою память. Давно это было, и хорошо б, чтобы больше не было – тьфу-тьфу-тьфу, через левое плечо...

Про душевую в общежитии

Учился я в Харькове.

На первом курсе, помню, ездили домой часто. Как-то едем с другом-одноклассником домой в электричке. И подсаживается к нам наша одноклассница Наташка из политеха. Прекрасная рассказчица, умница в науках – удивительно, почему не пошла в наш авиационный ХАИ, а выбрала ХПИ¹.

Стала делиться с нами про их общежитие «Гигант». Наверное, это уже фольклорные случаи, но я слышал от Наташки.

Пошёл вьетнамец в душ.

А душ в «Гиганте» был через раз: день мужской, день женский. Вьетнамец, естественно, перепутал. В предбаннике добросовестно разделся, взял кусок мыла, подаренный русским соседом по комнате, зашёл в душевую. А там пар, туман, ничего не видно, плеск воды... Вьетнамец стал в крайнюю пустую кабинку, стал отмокать.

Тут из-за перегородки высовывается рука с мочалкой. Красноречивый жест – приглашение потереть спину. Вьетнамец сразу понял: видимо, в Азии тоже так. Взял мочалку, стал намыливать её. Щедро намылил – мыло дареное. За перегородкой уже нетерпеливое мычание, дескать, ну где ты

¹ Соответственно Харьковский авиационный и Харьковский политехнический институты (ХАИ и ХПИ). – *Прим. ред.*

там?

Вьетнамец, не торопясь, прошёл за перегородку. Там увидел спину и стал тереть её мочалкой с вьетнамским трудолюбием, начиная сверху.

О трудолюбии вьетнамцев ходят легенды. Один французский путешественник в XX веке писал, что когда у вьетнамца на его рисовом поле сделано всё, он начинает под каждым кустиком рыхлить землю большим пальцем ноги.

Не знаю, о чём вьетнамец думал, постепенно спускаясь вниз по позвоночнику. Возможно, о необъятном рисовом поле, а может, об изящности формы лопаток русского друга. А может, у него уже и начали роиться какие-нибудь подозрения, ещё не оформившиеся в конкретные мысли.

Только эта спина вдруг из-под рук его нетерпеливо задёргалась и с возгласом:

– Ну что ты так слабо давишь? – повернулась своей обратной стороной.

Потрясение, которое испытал вьетнамец, сравнимо, наверное, с потрясением наших советских учёных, впервые увидевших фотографию обратной стороны Луны, такую же туманную, как душевая в «Гиганте».

Бы-м-м! – гулкий удар головы о кафель – и вьетнамец в обмороке.

Надо сказать, что в то время вьетнамцы имели обыкновенные часто и легко падать в обмороки.

Я сам читал, как из Вьетнама прислали к нам курсантов

обучаться на лётчиков. На учебных самолётах вьетнамцы легко осваивали науку парения и даже пели в кабине песни на своём языке. Про необъятные рисовые поля. Им запрещали, но они не могли удержаться. А вот когда их вывозили на нашем реактивном МИГ-21, на первом же вираже падали в обморок.

Наши думали – какая-то азиатская загадка. Пускали им в шлемофон песню про ихние поля, но не помогало.

Потом какая-то тетя Нюня на кухне по душевной доброте и неприятию мужского худосочия решила их просто подкормить. Стала давать им тройную порцию шоколада. Вьетнамцы в ответ раздобрели, и через полгода лётное дело у них пошло.

Военные записали этот момент в особую инструкцию, с тети Нюни взяли расписку, что она ничего не знает, никаких вьетнамцев и никакого шоколада в жизни не видела, а инструкцию строго засекретили.

Нашему же вьетнамцу шоколада, естественно, никто не давал, так как секретная инструкция в ХПИ не полагалась. Поэтому вьетнамец бумкнулся легко и без видимого сопротивления.

Девчонки, естественно, завизжали. Как же, мужчина в душе!

А потом видят – а то не мужчина, а вьетнамец.

Стали хлопать по щекам, трепать за уши – ничего не помогает.

Тогда кто-то набрал холодной воды в тазик и окатил.

Вьетнамец открывает глаза и видит – кошмар не прошёл.

Над ним склонилась куча голов, всё так же женских, а под головами, прямо на линии его взгляда, груды качающихся, как языки у колоколов, отличительных признаков.

Ведь ни одна из девчонок и не подумала о том, что все они тут стоят как раз в том, в чём принято в нашей стране специально смущать братских друзей из Азии, то есть, в чём мать родила.

Зрелище настоящих русских девчат, представленных во всей своей красе и искренно желающих павшему добра, любому нашему студенту показалось бы раем. Но вьетнамцу в таком объёме оно оказалось не по силам. От этой картины он снова закрыл глаза и погрузился в нирвану уже так глубоко, что никакая вода его больше не доставала.

Тогда, наконец, позвали банщицу тетю Феню. Та пришла, ничему не удивилась. Сгребла вьетнамца в охапку и, как младенца, вынесла наружу. Там, в сухом и тёплом месте часа через два отпоили чаем.

Наташка подождала, когда мы отсмеялись, и продолжила:
– А вот ещё один вьетнамец...

Но тут, увидев, наверное, блеск в наших с другом глазах и непроглоченные слюны, стушевалась:

– Нет, этот случай не буду, расскажу лучше другой. Жарил вьетнамец курицу на сковородке. Прибегал много раз,

так как надо было переверачивать, чтоб не подгорела. Ибо масла было маловато и курица синяя. Прибегает в очередной раз, а курицы нет, зато на сковородке мелом написано: «Мир! Дружба!»

Тогда это было смешно.

Жаль, потерялся след нашей Наташки. Интересно было бы узнать, что она нам тогда не рассказала.

Искусственный интеллект на службе у Клавдии, жены Леонтия

Телефон пискнул, и Клавдия прочла эсмэску:

«По просьбе Клавдии Маломухиной разработчики последней версии Android ввели ряд новых опций с элементами искусственного интеллекта.

Теперь при нажатии неверным мужем на номер его любовницы, телефон бьёт палец мужчины током, отчего палец синее ровно на 24 часа. А в квартире любовницы, вместо трели телефонного звонка, под потолком сверкают молнии, гремит гром и лопается труба с горячей водой».

«Кто ж так шутит? – подумала Клавдия. Номер отправителя был незнаком. Клавдия стала перебирать в уме своих бывших и настоящих. Всех перебрать не успела, так как неожиданно с работы пришёл Леонтий, хмурый и молчаливый.

С ходу попросил борща.

Клавдия удивилась – Леонтий борщ не любил. Борщ подала, но забеспокоилась:

– А что это у тебя такое, а, Маломухин? – она рассмотрела на указательном пальце правой руки Леонтия синяк. Синяк занимал всю крайнюю фалангу, опухшую по такому случаю, и светил лиловым ногтем.

– Да на работе, молотком, – буркнул Леонтий и прибавил

старательности в орудовании ложкой.

– Это как же это, молотком? – удивилась Клавдия. – Откуда у вас в библиотеке молоток? Да и ты правша! Этой рукой держал молоток и по ней же тюкнул?

– Я держал гвоздь. А тюкала Зинаида Борисовна.

– Ах, вон оно что! Так это, значит, та малюсенькая серая очкастая мышь с четвёртого этажа над нами? Она может удержать молоток?

– Зинаида Борисовна – профессионал высокого класса. У неё высшее библиотечное образование. Мы прибивали полку.

– Кто бы спорил, что профессионал? Верю, что профессионал. Алфавит, наверно, помнит. А вот ты, Маломухин, путаешь, что сначала идет – твёрдый знак или мягкий.

– А зачем мне знать про мягкий знак? – Маломухин даже бросил ложку. – Мне, заведующему библиотекой и прибавителю полок? Книг на мягкий знак не бывает. И писателей мягких не бывает.

– А вот библиотекари мягкие бывают.

– Клава! Не путай, пожалуйста, субъективные ощущения с объективными критериями! Врач на медосмотре мне, между прочим, пощупал мой бицепс и сказал, что среди библиотекарей я самый твёрдый!

– Верю, Маломухин, ты твёрдый. Остальные – бабы.

– Не бабы, а вполне приличные женщины. Все с высшим образованием.

– И все в очках. Как же это она – в очках, а по полке промахнулась?

– Ну я полку плечом держал, а рукой – гвоздь. А у Зиночки очки соскочили, она и тюкнула...

– У Зиночки?!

– У Зинаиды Борисовны.

– У Зинаиды Борисовны? Точно?

– Ну да, – Маломухин нервно помешал ложкой в тарелке. – У заведующей юридическим отделом. Нам не хватает полок под новые законы. Дума, знай себе, рубит, а мы – прибивай...

– Маломухин, не втирай мне свои очки! У нас в стране всего два закона! «Не тронь – это моё» и «Делиться надо правильно, но верно». Зачем вам целая полка?

В квартире зазвонил телефон. Клавдия подняла, послушала и передала трубку Маломухину:

– На, это твоя. Юридическая.

Маломухин недоверчиво взял трубку, молча послушал. Из трубки журчал жалобный монолог. Слов было не разобрать, но всё читалось на лице абонента. На середине монолога Маломухин засуетился, огорчённо захмыкал и забеспокоился.

Из скудных ответных реплик Маломухина выходило, что у Зинаиды Борисовны в квартире лопнула труба с горячей водой. Она спрашивала, куда звонить. Телефонный справочник размок, света нет, интернета нет. Сама она спаслась на

столе. Вокруг плавают тупфли и кот. Причём, кот уже разучил багтерфляй.

– Ты знаешь телефон нашего Василия? Нет? А мобильный? – спросил Леонтий у Клавдии.

Клавдия знала.

– Звони немедленно Василию – нас тоже сейчас зальёт, остался один этаж!.. Я сейчас! – крикнул в трубку Маломухин.

– Как ты можешь, Маломухин, как ты можешь, занудный ты мой?..

– Я могу? Что я могу? – удивился Маломухин.

– Ты идешь спасать чужую женщину! А как же я?

– Но, Клава, так и надо жить! По-человечески. Я спасу её. А тебя спасёт кто-то ещё. И так далее... Вирус добра, Клава – он почище компьютерного. Он, знаешь, как заразителен? Ого-го! Уверяю тебя. При некоторых условиях он может заразить всю нашу планету! Всё начинается с мелочи. Например, ты позвонишь Василию. А он спасёт всех нас... Кстати, только у него ключ от подвала...

Маломухин исчез.

«Эх, Маломухин ты, Маломухин... Вирусы разные бывают. И все заразные. Знают ли об этом на четвёртом этаже...», – подумала Клавдия.

Ещё раз перечитала эсэмэску: «По просьбе Клавдии Маломухиной...»

На секунду Клавдия ощутила себя властилиной мира.

«Может, подождать, пока вода до её шуб доберётся? Ладно, чёрт с ней, – вздохнула она, – одна беда на всех. Пусть Вася этой мыши сейчас трубу исправит. На первый раз. А потом я всё ей скажу! Всё! Я ей очки на хлеб намажу...»

С домашнего телефона она начала набирать номер Василия, слесаря ЖЭКа. Набрав половину, Клавдия остановилась. Воспоминания перебили намерения.

Василий с самого начала был с ней дерзок и груб. Приходя, якобы на вызов, гаечные ключи оставлял у порога, бросая их с лязгом, от которого у Клавдии заранее сладко вздрагивало сердце. Не снимая сапог, сразу же проходил в ванную, где благодаря профессии чувствовал себя как дома. В ванной долго мыл руки, душился лосьоном Леонтия и чистил зубы семейной пастой. Клавдия как-то спросила, моет ли он и ноги. Но Василий сказал, что моет только сапоги. А их, родимых, он никогда не снимает. Даже дома так спит, жена привыкла.

«Сантехник, Клава, в сапогах рождается, – пояснял Василий. – Банкир – в рубашке, топ-модель – в бикини, дальний бойщик – тот сразу с рулём в розовых ручонках. А сантехник – в резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами. Вот так-то, любовь моя!»

Он садился за стол и по-хозяйски требовал борща – очень любил борщ. Из-за этого Клавдия, несмотря на ворчливые протесты Леонтия, круглый год варила борщ: а вдруг Василий заглянет на огонёк.

В последнее время Василий что-то стал отлынивать от свиданий. «Может, что не так с борщом?» – беспокоилась Клавдия и выспрашивала у подруг новые рецепты.

Как-то так выходило, что если она сейчас наберёт номер Василия, то получится, что её девичья гордость сломлена. *Она* звонит!.. Это *Она* перед ним заискивает. Но, с другой стороны... Протечка-то у них в подъезде! Вот-вот до их квартиры достанет. Нет, как квартиросъёмщик она имеет право требовать!

– Алло, это ты? – робко спросила в трубку.

– Клава, я в подвале, у вас в доме потоп! Тут плохая связь!.. погоди, сейчас я тебе перезвоню на мобильник!..

– Только не на мобильник!.. – пискнула Клавдия мышинным голосом, но было поздно.

В квартире загрохотали молнии, а из ванной послышалось журчание воды.

Искусственный интеллект, вдохновлённый женщиной, тупо исполнял свою миссию, распространяя волны машинного добра и захватывая в неумолимые тенёта всю планету.

Разноцветное лето

Лето, увы, подходит к концу. Число загорелых женских ножек превысило число бледненьких.

По крайней мере, на одну – точно: соседка моя по площадке Лена сняла гипс с правой ноги. Теперь ходит по городу только правым боком к солнцу, чтобы розовая весенняя нога догнала левую августовскую.

В магазин идёт утром, пока солнышко на восходе и светит с правильной стороны. А из магазина – дожидается заката.

Муж Виталик недоволен. Скорость пребывания Лены в магазине (500 рублей в час) со снятием гипса не изменилась. А вот время расширилось, что, конечно, повлияло на результат и заметно отразилось на семейном бюджете. Этот факт был им отмечен на кухне в ежевечернем бурном экономическом обозрении.

Чтобы показать, кто в доме хозяин, Виталик решил сгонять жену за пивом. Выгнал Лену пораньше, с рассветом. А пришла Лена, понятно, когда выходной, собственно, уже пропал.

Пора было прекращать эту погоню за летом. И Виталик ночью, пока жена спала, выкрасил ей правую ногу марганцовкой. Операцию продумал тонко: мазал подогретой, чтобы не проснулась. Но не попал в задуманную концентрацию. Увидев утром разноцветные ноги, Лена громко опечалилась:

теперь левой ногой надо было догонять правую.

Новая разница сильно вмешалась в их летний быт. Уже неделю моя соседка уходит из дому на закате. Говорит, в магазин. А приходит на рассвете. Вроде бы из магазина, так как приходит с пивом – Лена не забывает, зачем вышла.

Так что пиво теперь у Виталика по утрам, что его вполне устраивает.

Диссертация, унитаз и пистолет. И *Karcher!*

Глава первая Леонтий Викентьевич спешит домой

Леонтий Викентьевич шёл домой с намерением твёрдо заявить сегодня о разводе. Долее терпеть безобразия он был не намерен.

Собственно, безобразий никаких и не было. Просто ничего не было. Семейной жизни не было. Жена Валерия не хотела работать – целыми днями пилила ногти, смотрела ток-шоу и жевала пиццу, заказанную по телефону. Причём, себе Леонтий Викентьевич заказывать пиццу обязан был сам, по приходу домой. Вся семейная жизнь была сплошным безобразием.

Но сегодня был особый день, когда можно было ставить точку на любом безобразии: сегодня Леонтий Викентьевич нёс домой переплетенную в типографии диссертацию, что означало переход на новую ступень жизненных иллюзий.

Автобус, вынужденный уступить ему путь на переходе, мстительно обдал сизым дымом и, недовольно урча, поехал дальше по своему маршруту. Из облака дыма материализо-

валась цыганка непонятного возраста, в помятых цветастых юбках, и, звеня многоэтажным монисто, предложила:

– Ай-ай-ай, какой красивый молодой человек, а какой сердитый! Дай погадаю!

– Я прошу Вас не испытывать моё терпение, любезная, – отмахнулся было Леонтий Викентьевич.

– Вижу, вижу, красивый, к ней идешь. Пожалей ты её, непутёвую.

Леонтий Викентьевич поразился, как слова цыганки были созвучны его мыслям.

– Настоятельно прошу оставить меня в покое, – сказал Леонтий Викентьевич, но уже не так твёрдо.

– Любит она тебя, красивый, ой как любит! Лучше убей её. Ей будет приятно, что ты настоящий мужчина.

Леонтий Викентьевич отшатнулся.

– Это я тебе говорю, я знаю. Купи вот это, оно тебе пригодится.

Она приподняла одну из своих многочисленных юбок и вынула из-под неё пистолет. Пистолет был маленьким и чёрным, неизвестной Леонтию Викентьевичу модели.

Как и все не служившие в армии мужчины, Леонтий Викентьевич обожал оружие и даже любил пострелять в тире из воздушки по зайчикам и танкам, но никогда не стремился иметь в доме ничего стреляющего. Однако тут нашло на него какое-то затмение. Всё-таки эти цыганки умеют охмурять людей, да так ловко, что куда нашему правительству.

Леонтию Викентьевичу дали подержать вещь. Пистолет ещё хранил тепло цыганкиного тела и от этого тепла казался живым и близким, будто принадлежал Леонтию Викентьевичу ещё с детства.

«А почему бы и нет?» – сказал сам себе Леонтий Викентьевич и полез за деньгами.

– Смотри, дорогой, – цыганка выхватила бумажник из его оторопелых рук, – беру ровно столько, сколько стоит это ружьё.

– Это пистолет, – уточнил Леонтий Викентьевич.

– Ах, стреляет и стреляет... – отмахнулась цыганка. – Смотри на меня внимательно, не моргай!

Она отсчитала купюры и вернула бумажник Леонтию Викентьевичу. Возвращала с видимым сожалением.

Потом, отойдя подальше от окутавшего его морока, Леонтий Викентьевич не обнаружил в бумажнике, кроме суммы, обговоренной за пистолет, ста двадцати долларов различными банкнотами, двух кредитных карточек (впрочем, почти иссякших) и обручального кольца, которое давно уже не налезало на нужный палец, а на мизинце носить ему не разрешала жена Валерия.

«Значит, это знак, – решил Леонтий Викентьевич, – развожусь». И не стал жалеть о кольце, а твёрдой походкой двинулся к дому.

Глава вторая

Валерия Львовна принимает ванну

Валерия Львовна набрала ванну, плеснула специального шампуня с перламутром и блёстками и принялась нежиться в розовой пене, представляя себя человеческим зародышем в материнской утробе, где-нибудь так на седьмом месяце.

Температура воды способствовала.

Сегодня она решится на главный разговор с мужем. Да, она никчемный человек, неумеха и растерёха. Но ведь возможно, в конце концов, и сыграть роль терпеливого инструктора при живой жене, обучить чему-нибудь. Например, у неё получается неплохая яичница. На основе яичницы другие жёны готовят кучу блюд – ей рассказывали. И она сможет... кучу.

Она хорошо рисует. Леонтий просил проиллюстрировать его диссертацию, там что-то про зверей. Она нарисовала кучу зверья, но он почему-то забраковал всех. Орал, что у неё не звери, а зверушки, все какие-то игрушечные и травоядные. Даже крокодилу хочется бросить в пасть яблоко и погладить по мокрой спине. Не говоря уж о плюшевых волках и тиграх. А ведь мир суров и непреклонен. И вот тебе очередное, последнее задание: займись собой. Стань красивой. Привлекательной. «Ведь женился-то я когда-то на тебе почему-то». Почему? А это вопрос к тебе, милая...

Валерия Львовна знала, что у неё есть привлекательные места. Она поочередно вытянула, любуясь, сначала левую ногу, потом правую. На фоне розовой пены они были вполне ничего. Даже, помнится, она слышала, как сосед Виталик однажды сказал своей жене Лене, когда они разминулись с Валерией Львовной на лестнице, и он думал, что она уже не слышит: «У этой зачуханной лахудры заметны только ноги...» Далее соседи захлопнули дверь своей квартиры, и Валерия Львовна не могла слышать продолжения. А вот автор слышал, и полная фраза Виталика звучала так: «...У этой зачуханной лахудры заметны только ноги, да и те ей по благу выдернули из чужой...» Нет, пусть будет «...из чужого тела». Автор не может дословно воспроизвести Виталикову фразу, от какой части чужого тела были отторгнуты вышеупомянутые ноги, так как дал слово не употреблять рискованных терминов, как бы ни были они уместны и точны. При этом автор надеется, что и читателю не до таких мелких подробностей.

Глава третья

Виталик получает *Karcher*

Никому не нравится, когда барахлит унитаз. Ну что значит – барахлит? Смывает с третьего раза, например. Виталик вызывал сантехников, но те никаких посторонних тряпок не нашли. А один пожилой аварийщик доверительно ему сказал:

– У тебя, парень, заилило. Попробуй промыть. Химией. Или насосом каким-нибудь. Дай хорошую струю. Должно получиться: просто илу накопилось...

Виталик вспомнил, как в армии отмывал спецнасосом высокого давления гусеницы своей секретной машины, на которой служил. Уж на что глина, а и та летела только так... А ещё он вспомнил, что недавно его сосед по гаражу Серёга как раз подобный насос, только маленький и штатский, купил для мытья своего немецкого «фольксвагена». Насос тоже был немецкий – фирмы *Karcher*. В гаражах считалось: раз немецкое – значит, сделано без дураков.

Вчера Виталик одолжил «Керхер» у Серёги за символическую плату – три баклажки пива и один пирожок. Баклажки они тут же с Серёгой и раскупорили, а пирожок разломали по-честному пополам.

– Зверь-машина, – сказал Серёга, – ты на окно не вздумай направлять.

Виталик постеснялся сказать, на что он хочет направлять. Сказал, что хочет смыть осиное гнездо с балкона, а боится подступиться.

– Осинные гнёзда из бумаги, – со знанием дела сказал Серёга. – Срежет, как бритвой. Два мгновенья – наших нет. Это подключаешь к водопроводу, а это – к электричеству, в розетку. Не перепутай, а то ток по проводам потечёт разбавленный и по телеку только «Давай поженимся» будет идти.

Они посмеялись по поводу разбодяженного тока и наскоро допили последнюю баклажку.

Принеся «Керхер» домой, Виталик правильно его подключил: то, что надо – к водопроводу, а то, что положено – к электричеству. Жену Лену проинструктировал, как включать и выключать. Щёлкать строго-настрога приказал только по взмаху его руки, а если руки будут заняты и будет шумно, то покажет взглядом.

Представив, как летели комья грязи из-под гусениц его военной машины, Виталик предвидел, что сопутствующих эффектов будет немало. Он разделся до трусов и обручального кольца, а ноги вставил в резиновые боты своей тёщи. Потом подумал чуть и снял всё остальное, оставив только боты. Лена отвернулась, как бы целомудренно.

После этого Виталик – можно сказать, во всеоружии – полез в туалет, сунул шланг с форсункой в унитаз и дал Лене команду, почему-то одними глазами: «Давай!»

Эффект превзошёл даже воспоминания армейской служ-

бы.

Унитаз заревел непривычным для унитаза реактивным рёвом, задрожали сопутствующие унитазу трубы. Через мгновение Виталик был весь в некоей субстанции, которую сантехники уклончиво называли илом. Лена испугалась и щёлкнула выключателем, но Виталик повернул к ней лицо со светящимися белками глаз и заорал страшным голосом:

– Я кому сказал – давай!

Назад дороги не было, теперь только вперёд! Виталик вошёл в азарт, как тогда на учениях, когда командир их машины (секретной, как читатель помнит) лейтенант Боря Куроедов кричал, целясь в перископ: «Виталья! Сейчас мы им прям в очко и забубеним! Заряжай двенадцатый...» Нет, автор тут не может полностью воспроизвести команду, чтобы читатель не догадался, о какой секретной машине идёт речь, так как это до сих пор военная тайна. И так уже многовато сказал. А Виталик-то подписку давал...

Шланг извивался и рвался из рук, но Виталик настойчиво подавал вперёд по сантиметрам.

Наконец что-то произошло со струёй – она перестала отдавать назад и вся теперь уходила в унитаз. Ушёл куда-то в глубь дома и гул.

– Есть очко! – объявил Виталик, – Кажется, пробили. Ну, ещё чуток...

И тут они с Леной услышали за стеной у соседей неясное, но явно истошное:

– Помогите! Спасите! – женщина кричала так, что было слышно сквозь стену и поверх гула труб.

Глава четвёртая

Тяжёлое наследие прошлого

Вот часто говорят, что советское прошлое не отпускает нас, высовываясь то там, то тут. Справедливые слова. Возьмём, например, дом, где происходят описываемые события. Да, строили раньше добротнo, без дураков, почти как немцы. И трубы чеканили (автор не совсем представляет, что это такое, но не может не щегольнуть таким ценным термином, услышанным когда-то от старого сантехника). Но, с другой стороны, при постройке именно этого дома труб не хватило. Ну, дёлись они куда-то. Дёлись и всё! Вот тут лежали ещё вчера, а сегодня дёлись. И пришлось бригаде с разрешения прораба, который, между прочим, тоже не догадывался, куда дёлись, хотя и сам помогал шуринам грузить их ночью в «Камаз» – пришлось бригаде самой вмешаться в проект. Приняли такое решение: все выходы труб от унитазов, ванн и раковин пустить в одну вертикальную трубу, теперь общую для всех соседей. Труба уходила в подвал, затем в городскую канализацию и далее – вон из города. Сантехники называют эту вертикальную трубу «стояк».

Тут автор был бы рад пофилософствовать на тему великого и могучего нашего языка, который, однако, проявляет иногда удивительную неспособность или нежелание и лень придумать новое слово. И называет одним и тем же терми-

ном – в данном случае «стояком» – совершенно разные вещи из самых разнообразных сторон нашего быта. Но сейчас не до языка – автору, страдающему, как заметил уже читатель, излишним многословием, успеть бы описать все те невероятные события, что вот-вот произойдут в нашем доме. А надвигаются события очень стремительно.

Выход трубы в стояк из Виталикова унитаза совпал с выходом из ванны соседки Валерии Львовны.

И когда струя промыла всё то, что Виталик хотел промыть, она с тем же безумным немецким давлением, которое никак не могли предусмотреть советские строители, ударила внутрь соседской трубы. Далее струя с лёгкостью достала до ванны, вышибла затычку и гейзером вознеслась над розовой пеной, расплющившись о потолок. А уже после, опав назад, попала на разомлевшего человеческого зародыша в возрасте... нет, неприлично о возрасте женщины – в общем, на Валерию Львовну.

Изумление Валерии Львовны было так велико, как если бы у неё в ванной забил фонтан из нефти (она знала из телевизора – фонтаны из нефти такого же цвета и приносят героям богатство). Валерия Львовна успела даже подумать, что обязательно поделится с мужем... Ещё она успела вспомнить, что деньги не пахнут, но вдруг по запаху поняла, что это всё-таки не деньги и, возможно, даже не нефть. Пеннистая масса, бурля и вращаясь в воронках, стремительно заполняла ванную комнату. Валерия Львовна, истошно крича, бро-

силась вон из квартиры, на ходу цепляя на себя махровое полотенце, которое тоже было когда-то розовым, но давно, ещё до струи.

На площадке она столкнулась с Виталиком, который мчался к ней на помощь. Жена Лена успела накинуть на мужа его рыбацкий плащ, который лёг на Виталика, как тога на древнего римлянина. Сейчас не ясно, как на этих древних римлянах вели себя тоги, особенно на бегу, а может, просто плащ сел косо, но на мчащемся Виталике рыбацкая тога развевалась, как флаг; правда, всё, что надо, прикрывала.

– Виталик, помоги! У меня там такое, такое... Опять эти, сверху... Заливают!..

Тут бы Виталику проанализировать дезинформацию. Мы же все твёрдо знаем: послушай женщину и сделай как надо! Но впопыхах разве сразу все правила вспомнишь? Виталик нажал кнопку лифта и ободряюще кивнул Валерии Львовне головой с одновременным закрытием глаз. Автор по опыту общения с женщинами знает, что это успокаивает даже ту, которая только что кинула в Вас тарелку и промахнулась: кивните ей и сомкните веки, мол, всё хорошо, так и было Вами задумано.

Быстро приехал лифт, отворились двери...

Глава пятая

Явление пистолета народу

Приехал лифт, отворились двери, и оттуда вышел Леонтий Викентьевич, муж Валерии Львовны.

Да, Леонтий Викентьевич знал, что возвращается в неурочный час, но чтобы нарваться на такое! В их подъезде снимают какое-то скверное шоу? Его против воли неожиданно вставили в некий скверный анекдот?

Его жена... из одежды только полотенце... с почти обнажённым мужчиной в нелепых ботах... прямо на площадке!..

– Валерия! Это ты?

Валерия Львовна была ошеломлена не меньше мужа. Другой женщине помогла бы врождённая женская изворотливость, но в генетике Валерии Львовны даже этой изворотливости не нашлось. Поэтому она молчала, не зная, что сказать. Губы её задрожали...

– Так пошло, с каким-то африканцем (мы помним, что Виталика было не узнать)... Как ты могла?.. С этим... С этим... – Леонтий Викентьевич даже забыл, что уже не имеет права выговаривать жене, ведь твёрдо решил разводиться и мысленно уже развёлся... Но горе мужское его было так велико, что развод теперь казался невысказанным, слишком лёгким выходом, когда имелись выходы и покруче.

Он сунул руку в портфель и немедленно вытащил оттуда

короткий пистолет.

– погоди, сосед, давай разберёмся, – начал было разговор Виталик, примериваясь, как ловчее выбить из рук Леонтия Викентьевича оружие. Но Леонтий Викентьевич резко, с визгом, переговоры оборвал:

– Всем молчать и не двигаться!

Глава шестая

Труп на площадке

Леонтий Викентьевич повёл пистолетом. Сейчас оружие холодило руку и ободряюще отдавало в голову. Он навёл его на жену. Когда-то он любил эту женщину. По крайней мере, привык к ней... Валерия Львовна воздела ему навстречу руки, как делают женщины, когда зывают... Зывают к... В общем, когда зывают. Она зажмурила глаза и перестала дышать. Полотенце упало под ноги...

«Ты погляди, – удивился Виталик, – а у этой серой мыши есть на что посмотреть!»

Автор тут немного приуныл: налицо намечается будущий адюльтер между соседями, который придётся длинно раскручивать, а это совсем не входит в планы автора. По крайней мере, в планы автора на этот рассказ.

Пистолет в руке Леонтия Викентьевича задрожал. Он перевёл его с жены на Виталика и зачем-то сказал: «Руки вверх!»

– Сдурел ты, однако, мужик, – огрызнулся Виталик, но так как момент для нападения был упущен, то руки поднял. Римско-рыбацкая тога соскользнула с плеча и свернулась у ног, напоминая теперь рыбацкую торбу. Не дождавшись выстрела, Валерия Львовна открыла глаза.

«Надо же! А у нашего бравого соседа и посмотреть не на

что!» – подумала она, после чего автор вздохнул спокойно: адюльтер отменяется. Возможно, даже насовсем.

– Может, передумаешь, Викентьич? – как можно миролюбивее произнес Виталик.

– Я вам не панибрат! Убирайтесь в свою Африку! – взвизгнул Леонтий Викентьевич, но вдруг узнал Виталика. Мысли рваной бегущей строчкой, как по экрану, ускоренно пронеслись в голове: «Так она ещё и с соседом! Валерия, как же это пошло! Убить его! А заряжен ли он у меня? Всю обойму в это брюхо! Да разве убьёшь такое пузо? Скорая помощь, капельница, спасут... Суд... Позор...»

Из квартиры Виталика выскочила Лена. Увидев наведённый на мужа пистолет, охнула и бросилась на линию огня, закрыв мужа собой.

У Леонтия Викентьевича искривилось лицо, он застонал, быстро поднёс пистолет к своей голове и выстрелил. Его тело, дёрнувшись два раза, будто всхлипнув, как-то плоско упало, напоследок нелепо взмахнув рукой с портфелем. Из портфеля вывалилась переплетённая диссертация и закрыла лицо покойнику. На обложке было напечатано название: «Доминирование альфа-самца в стаях млекопитающих как аналогия поведенческого режима в российских семьях».

Завизжали женщины. На выстрел распахнулась от незримого удара дверь квартиры напротив, где проживал сосед – сержант полиции Лёха Полыхайло. Выпав из квартиры, он упал на бетон площадки, ловко перекатился и взял всех сра-

зу на мушку.

– Стоять всем! Ни с места! Кто стрелял? Бросить оружие
– считаю до трёх! Раз!..

Глава седьмая

Исчезновение трупа

– Он сам, вот из этого, – всхлипнула Лена и ногой показала на пистолет Леонтия Викентьевича. Сама она, шмыгая носом, пыталась вернуть плащ Виталика на правильное место, но ей мешали его руки, всё ещё поднятые. Сержант Лёха закашлялся.

– Из этого? Это его оружие?

Из квартиры Леонтия Викентьевича вытекла струйка воды и устремилась к телу покойного.

– Ты что, не выключила «Керхер»? – грозным шёпотом спросил у жены Виталик.

– Ты ж не махнул рукой! Опустил бы хоть одну... – заикнулась было, тоже шёпотом, Лена. Но увидев, как яростно повёл глазами Виталик, правильно восприняла этот жест как команду и кинулась в квартиру выключать.

Валерия Львовна попыталась преградить струйке воды путь голой ногой, но та легко обтекла её 34-й размер стопы и подтекла под лежащую голову почившего.

Покойник чихнул, поднял голову и сказал:

– Уйдите все, я не хочу жить. Я прошу!..

– Это даже не травмат, это так, пугач, – поднимаясь и отряхиваясь, объяснил сержант Лёха и спрятал свой пистолет за пояс. – Давай, Викентьич, кончай дурака валять, вста-

вай.

Глава восьмая

Жить всё-таки хорошо. И жить надо – это завет классика

Валерия Львовна упала над мужем и, обняв его мокрую голову, мелко целуя, что-то запричитала. Автор считает, что ближе всего ей подошло бы что-нибудь из Чехова:

«...Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлёт нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрём и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалятся над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнём...»

Ах, какие слова! Автор никак не может познать магию их простоты. Давайте ещё полюбуемся:

«...Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... (Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомлённым голосом.) Мы отдохнём! Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах...»

Стоп! А вот это, Антон Павлович, нам, увы, сейчас уже не

подходит: затёрли мы за столетие Ваши когда-то прекрасные «небо в алмазах»-с. Теперь они ассоциируются с «искрами из глаз». Пошлое пошло сейчас время, да-с. Грубое, пошлое и бездарное-с, простите нас...

– Вот до чего наука доводит человека, – сказал Лёха Виталику. – А был почти мужиком в детстве, только в очках! Я с ним в одном классе учился... У тебя найдётся дома чего-нибудь? А то я переволновался...

Тут Виталик вспомнил, что он переволновался тоже. Они пошли к Лене, на шум уборки. И там были некоторое время, пока унимали волнение старым известным способом и пока не вспомнили о неблагополучных соседях. Тогда они решили пригласить их тоже, в знак примирения сторон и вообще... Но не достучались. Наверняка те тоже переволновались.

Тут автор вспомнил о заветах любимого классика про ружьё, которое непременно должно выстрелить, перечитал написанное и увидел, что да, в тексте встречается некстати вынутый пистолет полицейского Лёхи, который так и не выстрелил. Это серьёзная промашка со стороны автора, который стремится тут же её загладить перед читателем, а вместе с ним и перед Антоном Палычем: пистолет выстрелил! Ночью на дежурстве полицейский сержант Лёха участвовал в задержании опасного преступника, который злобно отстреливался. Пришлось выстрелить и сержанту. Вот только не знает автор – попал, не попал Лёха, но звук, который теперь

извиняет автора, был... Между прочим, преступника как-то задержали, и случайно никто из наших даже не пострадал.

А вот среди героев и героинь этого рассказа нашлась одна пострадавшая. Диссертация. Она подмокла... И Леонтий Викентьевич вынужден был её перепечатывать. А главное – заново собирать подписи, выслушивать дурацкие замечания и фальшиво с ними соглашаться. Пришлось даже в угоду критикам исправить название. Теперь оно гласило так: «Доминирование альфа-самки в стае млекопитающих как аналогия поведенческого режима в российских семьях». Самого текста диссертации смена названия не изменила, так как в содержании и до этого доказывалось, что в российской семье доминирование самца фиктивное, будь он хоть альфа, хоть омега.

И когда вдруг после того эпического выстрела кончилось доминирование Леонтия Викентьевича, семья его в один миг стала благополучной и крепкой, и похожей на такие же другие счастливые российские семьи, которые, как мы знаем, все счастливы одинаково. Таких немного, но они есть.

Но сама Валерия Львовна, встречаясь иногда с Виталиком на площадке, почему-то слегка пунцовеет, когда говорит: «Здравствуйте!» и слышит от него ответное, со значением: «Здра-ась-сьте, здра-ась-сьте...»

P.S. На этом бы и закончить нашу историю. Но некоторые назойливые читатели уже спрашивали: не работает ли автор

на фирму *Karcher*, представляя тут, как бы неназойливо, рекламу их замечательных насосов? Автор отвечает: нет, такого предложения от фирмы не поступало. А если и поступит, то автор, скорее всего, будет долго думать, так как сам он, автор, с унитазом борется, вызывая сведущих слесарей и сантехников.

Василий и стихотворный размер

Когда Василий в нашей бригаде сварщиков увеличивает свою дневную производительность на пять бочек сверх нормы, это означает, что он встретил новую любовь.

Развод Василия с последней женой наша бригада встретила с большой торжественностью (угощал Василий). Единственный холостяк, да ещё самый молодой в нашей бригаде, обещал, что отбросит уныние прочь и наполнит свою жизнь радостью и перспективами.

Мы тоже наполнились энтузиазмом: каждое уныние Василия обходится бригаде невыполнением нормы на три бочки в день и влияет на общий заработок.

После развода выяснилось, что свобода Василию непривычна. Отвык он от неё. Поэтому, чтобы приобрести новые привычки и не сильно забыть старые, ему приходилось влюбляться чуть ли не каждую неделю. Ну, может, не каждую, но волна превышения нормы на пять бочек приходила регулярно с периодичностью в среднем раз в неделю и заливала нас бочками дня три.

Затем наступал плавный отлив. Но сначала такой, что на плане в целом и, соответственно, нашем заработке, это особо не сказывалось. А вот потом волна уныния вовсе отхлынула и обнажала серый берег с окурками. Окурки оставались от тревожных перекуров Василия, который тяжело пережи-

вал каждое расставание, дымил и мучился. Из-за этого он не додавал пару-тройку бочек, и у нас наступало беспокойство за месячную норму. Тогда мы набирались терпения и ждали, когда Василий опять возьмётся за ум либо за прелести новой знакомой.

Потом цикл повторялся, Василий вместо перекуров напелвал что-нибудь из попсы, а мы с нетерпением ждали обеда.

Заобеденные рассказы Василия о яркой жизни, полной невиданных чудес, там, на воле, за забором брака, пользовались неизменным успехом у нас, солидных женатиков.

Там, в недоступном волшебном мире, оказывается, продолжали существовать забытые нами дискотеки, скамейки в парках, торопливые объятия в кустах и прочие неизъяснимо приятные тактильные ощущения. Слушая Василия, некоторые солидные, но слабовольные члены бригады готовы были променять часть своей нажитой солидности на несколько минут греховной никчёмности.

Кое-кто по глупости пересказывал дома за ужином новости о Василии своим жёнам, не замечая, что эти рассказы расшатывали забор семейной нравственности, а то и проделывали в нём ломаные дыры. Среди жён – реже, правда – но тоже встречались слабовольные экземпляры, которым после Васильевых рассказов по ночам снились такие сюжеты, что после пробуждения они и сами даже вспоминать стеснялись.

Бригадир стал поговаривать о падении нравственности в бригаде в целом. Но если в вопросах производительности он

был непререкаемым авторитетом, то в нюансах нравственности считался весьма устаревшим, замшелым за двадцать лет женатой жизни.

Однажды Василий выдал очередные пять бочек сверх нормы. За обедом мы все приготовились слушать новую душещипательную историю, но Василий молча прожевал свои бутерброды, пошёл на рабочее место, улёгся на бочки и притворился, что захрапел. А может, и по-настоящему захрапел. Так было подряд целую неделю. Пять лишних бочек в смену – и тишина, молчок.

Обеденным сном не разгонялся угрюмый вид Василия. Он, обычно жизнерадостный, осунулся, потемнел лицом и замкнулся, как заговорщик. Как секретный изобретатель, придумавший укол от атомной бомбы и обдумывающий теперь, в какую ягодицу колоть.

Конечно, бригада одобряла эти пять бочек к своей зарплате. Но тревога в разговорах проскальзывала. Все беспокоились, как бы Василий не надорвался, ибо уже не мальчик, как-никак, под тридцать. Что там говорит медицина про бурные ночи?..

А тут ещё на следующей неделе пять лишних бочек резко перешли в недостающие три. Бригада забеспокоилась: не опоздала ли она со своими тревогами? Не надломился ли уже Василий? Холостяцкая свобода могла искривить его представления о здоровье и своих возможностях. А кроме того, ещё и ударить нам по карману.

Варили бочки мы индивидуально, но был в нашем деле общий технологический момент – после обварки одного днища надо было бочку перевернуть и варить второе. А так как сил у одного человека не хватало, то проделывалась эта операция на пару с кем-нибудь, кто ближе.

С Василием кантовал² бочки обычно я, так как работал рядом. Бригадир счёл, что это можно назвать духовной близостью. Поэтому он приказал мне поговорить с напарником, предостеречь как-то от бытовых излишеств. Может, медицинский совет какой дать. Сломается парень – нам же хуже будет.

И я уже даже и приготовился. Жена, которую пришлось ввести в курс событий, нашла наш старый эротический справочник с полезными советами молодожёнам. Я заново его проштудировал, ориентируясь на пометки карандашом, которые мы с ней в своё время делали совместно. В стране так учили всех конспектировать классиков марксизма-ленинизма, и эти навыки нам с женой здоровогодились при теоретическом освоении эротики.

Справочник был с картинками. Некоторые казались весьма весёлыми. Жена разрешила подарить справочник Василию. На время.

Но Василий опередил меня.

Однажды, когда переворачивали бочку, как раз в самый натужный момент, Василий вдруг спросил у меня, что такое

² Кантовать – переворачивать (техн.) – *Прим. автора.*

хорей.

Хорей!

По гороскопу Василий стрелец, то есть, охотник. Вопрос застал меня врасплох, как застаёт тетерева на току́ выстрел охотника, так сказать, влёт. Я уронил бочку себе на ногу. Спасло то, что ботинки у нас, сварщиков, окованы металлом.

Так выяснилось, что уже который вечер свидания Василий назначал поэтессе.

Вот, значит, как. Дошло в нашей бригаде уже до поэтесс.

– Это распад, – сказал бригадир, когда узнал об этом в обед.

Постепенно прояснились подробности.

Василий познакомился с поэтессой в очереди к зубному. Страдальческое лицо девушки в квадратненьких очёчках показалось ему загадочным и одухотворённым. Впрочем, в очереди к зубному у каждого такое лицо, так как у всех перед глазами проносится вся их жизнь и количество съеденного сладкого.

Но это лицо было особенно беспомощным. Девушка сидела с закрытыми глазами и что-то шептала. То ли пересчитывала порции мороженого, начиная с младшей группы детского сада, то ли просто молилась.

Василию тут же захотелось рассмотреть поближе данное лицо. Лучше в своей холостяцкой берлоге. Тем более что фамилия у девушки оказалась многообещающей.

– Нинон Блудницкая, поэтесса, – и девушка протянула ему левую руку, ладошкой вниз. А правой она держалась за щёку, где был зуб.

«Надо же, Блудницкая. А выглядит гимназисткой», – удивился Василий и, в который раз в своей жизни, подумал. «Как обманчива внешность у женщин».

Он машинально взял протянутую ему доверчиво руку, не понимая, что с этой рукой делать, когда она торчит вперёд ладонью вниз. Но тут он вспомнил кое-что из кинофильмов и понял, что это такой спецсигнал для дворянских поцелуев.

Дед Василия был, увы, совсем других корней. Поэтому Василий крепко пожал тонкую, с голубыми прожилками, руку простым пролетарским рукопожатием.

В тот же миг между их соединившимися руками проскочила искра энергии, неведомой по природе, но зато огромной силы тока. В этом месте рассказа сварщик Василий счёл нужным оценить мощь искры в понятных товарищам параметрах. Он сказал – примерно в 200 ампер.

У Василия сам собой прошёл зуб, и ему тут же захотелось провести сварочный шов между собой и девушкой.

– Василий, сварщик. Шестой разряд.

– Сварщик – это интересно, – задумчиво сказала девушка, которая тоже получила заряд, но неверно истолковала, что это зуб. – Сварщик, банщик, обманщик... Сварщик-коварщик...

Заряды были явно разной полярности. То есть конечные

цели у зарядов изначально отличались.

Но, как известно, разные полярности притягиваются, как ни противятся их конечные намерения.

Начались будни осторожных и бурных ухаживаний. Осторожных со стороны поэтессы, но бурных со стороны холостого сварщика. Василий водил поэтессу в кино и вспоминал забытые из юности трогательные ощущения неловкости, когда его руку деликатно убирала с тёплой коленочки. К Василию вернулась молодость, а с нею и соответствующие молодые чувства.

Оказалось, девушка жила в его же дворе, в подъезде напротив. Это было очень удобно. Василий показывал ей, где его окно, потухшее от беспробудной холостяцкой жизни. Но девушка не понимала намёков и своего окна не показывала.

После кино, у подъезда, она читала Василию сумбурные стихи. Василий догадывался, что свои. Из содержания стихов прямо выходило, что сегодня вечером ему ничего не обломится, разве что лёгкий поцелуй, да и то в щёчку. Взамен ожидаемых более сильных ощущений ему предлагалось «...петь, кружась под луной, хороводясь в метелице звёзд». Василию же хотелось чего-нибудь более внятного. Он мучился, а в попытках хороводиться со звёздами проявил себя бездарем и отъявленным саботажником.

В какой-то из вечеров, проведив поэтессу, Василий пришёл к выводу, что без повышения культурного уровня у него ничего не получится. Придя домой, он нашёл старую дет-

скую книгу с оторванной обложкой, неизвестного автора, и принялся учить: «... У лукоморья дуб зелёный...» Но, в конце концов, заснул, утомлённый вечерними переживаниями, на: «В темнице там царевна тужит...»

Вот тут-то, наутро, Василий и спросил у меня, что такое хорей. До поэтессы он не знал, что у стихов, как у наших бочек, бывает размер. Я, как мог, объяснил, помогая себе линейкой и штангенциркулем.

Дополнительно Василий спросил у меня, можно ли рифмовать «штангенциркуль» и «куркуль». Он задумал написать про каждого из нас, своих товарищей, стихи. Начать с бригадира. Я сказал, что если про бригадира, то можно.

Весь день Василий варил и что-то бубнил себе под нос вместо пения. Мне он сказал, что пригласил поэтессу домой, и она обещала прийти... но потом как-нибудь. На радостях Василий хотел выдать и шестую бочку сверх нормы, но я, помня наставления бригадира, остановил.

Без подробностей о намерениях Василия поэтически увековечить товарищей, я обнародовал новости. Бригада в ожидании вдохнула, а выдохнуть решила после того, как у Василия получится результат.

Результат был на следующий день. Но о нём придётся по-подробнее.

Когда поэтесса обещала прийти, то предупредила, что любит читать стихи только в замкнутом пространстве, где хоро-

ший звук. Василий заверил её, что звонкое эхо с его стороны обеспечено. Последняя жена Василия оставила ему только матрац, и стены резонировали даже от шороха безопасной бритвы по щетине.

Поэтесса пришла в тот же вечер. Но с подружкой.

– Это моя одноклассница, – представила поэтесса подружку, забыв назвать имя.

– Очень приятно, – сказал ошарашенно Василий. Для него появление подружки означало крах намерений и дополнительное беспокойство. Прежде всего, с точки зрения закуски. Закуска катастрофически не хватало, Василий не подготовился к визиту.

– Василий, – сказал он с озадаченным видом.

– А я знаю. Сварщик-коварщик.

Василий понял, что в этой компании о нём знают всё. Но подружка была такой живой и полненькой, что Василий смирился. Зато теперь его глазу было, где отдохнуть, после любезной Нинон Блудницкой, которая не оправдывала своей фамилии даже в типовых женских размерениях, то есть, не дотягивала до 90-60-90. А вот подружка в кое-каких ключевых размерах заметно выигрывала.

Холодильник на кухне был так пуст, что отдавал эхом и годился для чтения в нём стихов. Бойкая подружка, по гороскопу тоже стрелец, проявила следопытную настойчивость и нашла в холодильнике начатый кочан капусты, а к нему и ещё немного еды.

Попутно одноклассница, как принято у закадычных подруг, выдавала секреты своей крепкой дружбы с поэтессой. Нет, конечно же, она всячески старалась представить подругу в выгодном свете, но получалось, как обычно у женщин.

– Мы с Нинон сейчас отказались от еды. Вообще. Никакой обжираловки.

– Совсем? – обрадовался Василий такому упрощению хлопот по устройству стола. – Может, хоть выпьете?

– Едим, конечно. Но исключительно только с пользой. Главное в продукте – его форма. От неё самая польза. Вот посмотрите, Василий, на Нинон. Видите?

– Да, вижу, – соглашался Василий, не отрывая глаз от присевшей перед духовкой подруги. В духовке Василий держал посуду, что удалось спасти от жены.

– Я придерживаюсь мнения, что ей надо увеличить бюст. Значит, она должна есть капусту.

– Согласен. Я тоже всегда придерживаюсь за бюст! – горячо поддержал подружку Василий.

– Вот, Василий, мы с вами в одинаковых мыслях!

Пока Василий дипломатично вёл диалог, глаза его неотрывно смотрели на выдающийся бюст подружки, который трудно выходил из духовки. Когда она, наконец, выпрямилась, он, по природе своей любознательности и, чтобы корректно отвести взгляд, спросил:

– А если требуется уменьшить?

– То же самое – капуста. Капуста, капуста и капуста. Вот

мне сейчас нужно уменьшить печень. Попробуйте у меня печень. Чувствуете? Значит, моя еда – баклажаны.

Василий пробовал минут пять, пока насильно не заставил свою руку оторваться от горячей печени, которая давала выдающиеся ощущения, сродни даже бюсту. Он сходил в кладовку и нашёл там для такой восхитительной печени банку баклажанной икры. Заодно и бутылку вина местного разлива из своих холостяцких закромов.

Всё это он поставил на стол. Стол и табуретки подарил ему я из раскладного автомобильного набора.

– Нинон! Нас принимают как порядочных! – воскликнула восторженно одноклассница поэтессы, но, на всякий случай, Василию пояснила: – Шутка.

Василий подумал: а что бы хотел в своём организме увеличить он? Вытащил из морозилки кривую сардельку, попробовал мысленно её выпрямить, прикидывая, не увеличится ли длина, а может, и вес, однако точный мерительный инструмент остался на работе. Кинул сардельку в кастрюлю. Потом посмотрел на бюст подружки и кинул вторую, несколько прямее.

Затем, устыдившись своих суеверных мыслей, вытащил третью. Содержимое кастрюли стало выглядеть логично, как порция на троих.

Вино подвигло всех присутствующих на обещанные стихи. Но поэтесса сказала, что она ещё не собралась. И вообще, из вежливости слово сначала надо дать хозяину.

Василий обрадовался, что догадался вчера подготовиться, и с запинками, подсказками, но дочитал до царевны, что тұжит в темнице. Подружка первая догадалась, что пора аплодировать. Указывая на поэтессу, она сказала:

– Нинон, а ведь это ты у нас в темнице. Тұжишь себя, тұжишься... Ну-ка почитай своё.

Поэтесса зарделась и сказала, что не хотела бы сразу после Александра Сергеевича Пушкина. Подружка налила в рюмки.

– Во-первых, не после Пушкина, а после Василия. А во-вторых, попробуй после местного разлива.

Девушки закусили капустой и баклажанной икрой. Василий капусту не одобрял, и теперь знал, за что: не мужское это. Он предложил каждому по сардельке. Поэтесса отказалась категорически. Видно было, что она сосредоточенно собирается. Подружка некоторое время помялась, потом наколола на вилку самую ровную.

– Пол хочет сменить, – пояснил в этом месте рассказа бригадир. – Это сейчас модно.

Дома он злоупотреблял телевизором. Бригадира подняли на смех, мол, зачем что-то менять с такими-то кочанами...

Между тем подружка, осмотрев сардельку со всех сторон, впилась в неё остренькими зубами, не снимая оболочки. Василий удивился, насколько полезен этот сорт сарделек, что

поглощать их приходится с такой скоростью.

Тут, наконец, собралась его Нинон:

– Мне только сейчас это *пришло*, – объявила она, слегка стесняясь, и прочла, правильно расставляя положенную у поэтов заунывность:

*На небе полная луна,
И светит мне куда попало...
Я так устала, так устала,
Что мне сегодня не до сна...*

– Четырехстопный ямб, – похвалила подружка.

– Хорошее название, – одобрил Василий.

– Это размер, – пояснила поэтесса. – Все стихи имеют свой размер.

– Ти-ти-ти-тá, ти-ти-ти-тá, – так звучит ямб, – пояснила подружка. Василию понравилось, что поэзия измеряется в ти-тях.

В этом месте своего рассказа Василий попросил меня пояснить, что такое ямб и если возможно, то, сколько это будет в наших понятных миллиметрах. Но другие мужики начали его торопить, опасаясь, что до конца обеда он не успеет дойти до самого интересного.

Выпили ещё. Поэтесса перестала закусывать совсем. Даже капустой. Лицо её побледнело, а глаза закрылись. Губы шеп-

тали. На тарелке оставалась её сарделька. Василий, считая именно поэтессу главной гостьей и как бы своей собственностью, мысленно распространял эти права и на поэтессову сардельку. На минуту он задумался, какую долю сардельки отмерить однокласснице, чтобы остаться гостеприимным хозяином. Он переглянулся с подругой. Взгляды их становились всё более понимающими друг друга.

– А я знаю, о чем думает Василий! – объявила подруга. – Он думает, что в мой рот не влезет эта толстая сарделька. Угадала? А вот вам, Василий!

Быстрым движением она наколола на вилку последнюю сардельку и, дразня Василия, теперь уже не торопясь, стала грызть её своими мышинными зубками.

– А по зубам? – спросил бригадир возмущённо. – У меня в семье за такое...

Но публика зашикала на него:

– Тихо, не перебивай! Слушай.

Поэтесса тем временем опять собралась, открыла глаза и продолжила импровизировать:

О, луна, ты царишь в небосводе!

В небосводе, луна, ты царишь.

Сколько в мире с ума ты сводишь,

Я сошла бы... а ты висшь...

– Bravo, Нинон, это мой любимый размер, анапест!

– Я правильно услышал? Анапест? Или анапестик? – спросил бригадир.

– Откуда я знаю? Афанасьич вон знает, – кивнул на меня Василий.

Бригада загомонила, предлагая свои варианты толкования. Василию понравился самый первый.

– Да, братцы, я тоже так подумал, что это они про пестик.

– Небось, проверил втихаря, на месте ли? – спросил бригадир. Все грубо засмеялись.

– Дураки. У меня всегда всё на месте. Будете дальше слушать?

– О-о-о! – загомонила бригада. Один только бригадир посмотрел на часы.

Как-то незаметно быстро допили бутылку. Василий подумал, не выставить ли вторую, но поэтесса спохватилась, сказала, что дома её ждут.

– Да брось, Нинон, никто тебя не ждет, – опять выдала её подруга.

– Нет-нет, я *слышу*. Мне надо домой...

– В туалет ей просто надо было, – сказал бригадир, который знал про девушек после двадцати всё: его старшая была

уже на выданье.

– Вообще-то торопилась, – подтвердил Василий. Бригада приняла мнение бригадира как рабочую версию.

Василий стал одеваться и даже успел обуть один ботинок, но поэтесса категорически остановила:

– Ни в коем случае, Василий, вот этого не надо. Сегодня у меня счастливый вечер... Мне всё, наконец, стало самой про меня понятно. Мы уходим.

Она посмотрела на подружку требовательно. Та перевела взгляд на Василия и пожалала плечом, извиняясь за причуды гения.

– У Нинон обостренное чутьё. Раз она что-то *слышит*, значит, в этом что-то есть.

Василий смотрел в окно, как они, обнявшись и поминутно останавливаясь, шли через широкий, слабоосвещённый двор в подъезд дома напротив. Ему показалось, что поэтесса рыдала. Василий подумал, что придётся учить поэтессу закусывать.

Девушки зашли в подъезд, а он всё стоял, пока у него не затекла одна нога. Тут Василий заметил, что стоит в одном ботинке. Он переобулся в тапочки. Потом вернулся за стол и доел капусту.

Луна светила ему на подушку и не давала заснуть. Василий пытался вспомнить, где у него при жене была записка с сигаретами. Может, что там осталось. Но потом вспомнил,

где, и вспомнил, что не осталось.

Наконец дрёма стала нагружать ему веки и даже, кажется, успел присниться наш бригадир.

– Бреешь, – не поверил бригадир.

– Только не лысый, а с шевелюрой, – уточнил Василий.

– О, с зарплатой будем! – обрадовались все. – Сон в руку. Давай, Василий, дальше.

– На чём это я остановился. Да, луна...

И в самый сладкий момент засыпания... ну, когда в самый последний момент – раз! и дёргаешься – вдруг раздался звонок в дверь.

«Кого это принесло в такую позднень? Неужели в третью смену будут просить?» – подумал Василий. Такое иногда бывало на заводе. Даже, случалось, присылали дежурный автобус.

Василий как был, в трусах, пошёл открывать дверь, собираясь сказать посыльному всё, что думал про завод, и отдельно упомянуть про бочки.

Но потом он забыл и завод, и бочки, потому что ему понадобилось крепко продрать глаза. Сначала Василий увидел выдающийся бюст, а потом того, кто этот бюст принёс.

– Можно войти?

Василий отступил в глубь комнаты.

– Вам письмо. Она сказала, что Вы поймёте, потому что любите Пушкина.

Василий взял в руки скомканный клочок бумаги и расправил его.

В бумаге значилось:

*Я знаю: в Вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь.
Я Вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана...*

Дальше было оборвано. Но Василий уже поднаторел в поэзии. Повертев записку и посмотрев бумагу на просвет, он угрюмо, но с пониманием ситуации спросил:

– Хорей?

– Ямб.

– Опять этот чёртов ямб! Что она хочет сказать?

– К ней муж внезапно вернулся. Володька. Она его *услышала*.

– У неё муж?!

– Володька. Тоже в нашем классе учился.

Василий замолчал, потрясённый. В уме он стал складывать все несуразности поведения поэтессы на предыдущих свиданиях. Сумма сошлась. Выходило, что он, Василий, обыкновенный дурак.

– Из плаванья вернулся?

– Из алиментов. Он от неё к матери убегал. Когда она сына Амфибрахием назвала. Он его с собой забирал.

Василий уже ничему не удивлялся.

– Амфибрахий – это по-гречески?

– Это поэтически. Размер такой.

– А-а... Далась же ей эти размеры...

Василий помолчал. Хотелось курить, но он помнил, что в заначке ничего нет. Гостья переступила с ноги на ногу. Чтобы хоть что-то сказать, Василий заметил:

– А у тебя ничего так... с размерами...

Подружка поэтессы скромно промолчала. Василий подождал и решил уточнить:

– Значит, мне дали отворот?

Подружка кивнула:

– Ты не беспокойся, мне тоже. Володька сейчас прогнал.

Сказал, что я её совращаю.

– А ты совращала?

– Я её курить учила. И выпивать. Ну как бы с горя...

– Ну и как, получалось?

– Плохо. Как выпьет, так сразу в стихи...

– Я видел. Тяжёлый случай, – Василий вдруг увидел, что стоит в трусах и счёл нужным извиниться: – А я как выпью, так курить тянет. И прочее.

– Я всё принесла. И закуску.

– Надеюсь, не капусту? – вздохнул Василий.

И выдал-таки сегодня на пять бочек больше. Шестую мы ему не дали, так как рассчитывали на долгую, счастливую жизнь.

Василий и отнудитель-от-брехни (*Наше фэнтези*)

Стою, значит, на балконе, курю. Пепел стряхиваю за перила и наблюдаю, как он неторопливо залетает на балкон соседям снизу. Вообще-то обычно не любят соседей сверху. Но мы с Клавой не любим снизу. Они любят громкий рэп, а мы за это не любим их.

На дворе осень. В этом году ранняя, но пока тёплая. Листья жёлтые, трава жухлая, мухи сонные, собаки озабоченные.

Мне грустно. Во-первых, надо идти к зубному лечить левый коренной. А во-вторых, Клава только что в очередной раз оставила меня. Мне грустно оттого, что я не знаю, с чего начать? То ли с зуба, то ли с Клавы.

Тревожит меня Клава. В последнее время часто стала оставаться после работы. Говорит, занимается с двоечниками. Это по физкультуре-то! Врать не умеет, глаза отводит. Как добыть из женщины правду, если у неё нет мозгов? Решена ли человечеством эта задача?

Обычно Клава говорит, что уходит от меня за непробудную лень. А ведь я ничуть не ленивый. Просто я часто мыслить люблю. Сегодня есть о чём помыслить. Проснулся и нашёл от Клавы записку на переполненном доверху мусорном

ведре: «Василий! Я ушла навсегда. Ты никогда, никогда не увидишь меня в своей жизни, пока не вынесешь мусор».

Однажды в такой вот момент размышлений мною был выведен очередной закон природы: во всякое переполненное мусорное ведро всегда можно пристроить ещё одну вещь, если она принадлежит противоположному супругу.

Я подумал и приписал: «Клава, прости меня, я больше не буду», скомкал и пристроил записку в это же ведро. Подумал и всё же решил его вынести. Но прежде зашёл на балкон покурить и ещё раз подумать – выносить или не выносить. То есть возвращать Клаву или не возвращать.

Продолжаю курить и оглядывать двор. Всё то же. Трава жухлая, мухи сонные.

Вдруг возле балкона взбудоражилось какое-то марево, проснулись ближайшие деревья. Но тут же всё утихло, а прямо у перил обнаружилось нечто мне незнакомое. Батюшки! Прилетела летающая тарелка! И прямо мне на балкон. Небольшая, размером с колесо от моего трактора «Беларусь».

Ну как на балкон... Зависла в воздухе рядом с балконом и даже не трепещёт. Из неё протянулся какой-то щупалец и ухватился за перила.

Не показываю, что удивился, курю дальше. Понимаю, что исторический момент для всей планеты. Сейчас за мной наблюдают внеземные цивилизации, и я должен соответствовать. Но чувствую, что к желанию вынести ведро прибави-

лось ещё и желание забежать по пути в туалет.

Из тарелки вылез зелёный гуманоид. Небольшой, мне по пояс. Небольшой-то небольшой, но я так прикинул – в этой его тарелке, на мой взгляд, ему тесновато.

«Как он, интересно, справляет там естественные надобности? Летел, небось, тысячи световых лет, преодолевал парсеки. А выйти не могли», – подумал я. Вслух же сказал, как читал в книгах моего детства:

– Приветствую тебя, о, неопознанный посетитель моей планеты Земля! Меня зовут Василий, тракторист. Имею три грамоты – за трудовые успехи и моральное поведение в быту!..

«Взаимно, – отвечает инопланетянин, – я из созвездия Андромеда, с планеты Тетлан, маркитант. По-вашему, коммивояжёр. За трудовые успехи имею проблемы».

«Как же он разговаривает? – подумал я, – если рта совсем не раскрывает?»

«С тобой разговаривает мой мыслепереводчик. А зовут меня Йохомнененужномакароньчлучшененаливат».

«Имя чем-то знакомое. Не из наших ли гаражей?» – подумал я. У нас в гаражах по вечерам, если задержаться на часок – с машиной или, там, с моим корешом Крапоглазовым, и не такого гуманоида можно встретить. – А всё же, почему я его слышу, если у него и рта совсем нет?»

«А зачем нам рот, если можно общаться мыслеформами. Это легко, попробуй пошевелить мозгами».

«Резонно», – подумал я и выплюнул окурок. Тот почему-то не полетел вниз, а завис на уровне перил, рядом с тарелкой. Впрочем, что тут удивительного: тарелка вон висит, почему бы не висеть окурку.

Я попробовал пошевелить головой, где, как знал, до этого были мозги. В голове зашумело, забулькало и зазвякало. Оказалось, шевелить мозгами легко. Мы с Крапоглазовым в его гараже примерно так и общаемся.

«Послушай, о, землянин тракторист Василий. У меня такая проблема. За мной гонятся злобные Гончие Псы из одноимённого созвездия. И хотя только за сегодня я преодолел тысячи световых лет, но оторваться так и не смог. Ты должен меня... как это по-русски... скрыть. Можно, я пройду в туалет?»

«Вон, оказывается, как они справляют. К соседям просят. Справится ли мой унитаз с ихней тысячесветолетней нуждой? – подумал я, а вслух сказал:

– У нас, о, неопознанный Йохомнененужномакароничлучшененаливат, если правильно по-русски сказать, «скрыть» будет означать – заначить. Связано немножко с денежками, а лучше с чем-нибудь ещё. Я понятно объясняю? От жены, от Клавы, за-на-чить. От тёщи Аввакумовны, её-ной мамы, тоже заначить. От Гончих Псов, получается, крепко заначить. Балалайка-жвачка-заначка... Ладно, проходите, неопознанный. И учтите, там цепочки, извиняюсь, нет. Проржавела, я шнурок от ботинка привязал, дёргайте за шнурок.

А смывать дважды надо, ибо унитаз покачивается.

Я порадовался за себя, как достойно и вежливо держу марку землянина. «Ибо» я хорошо ввернул. Для достоинства это плюс. Пусть попробует вспомнить, что эта мыслеформа значит.

«Хорошо, значь меня побыстрее. Но учти, о, землянин Василий, со мной мой верный бластер. Не дури, ибо... Я правильно сказал про “ибо”?.. Ибо, если что не так, то смотри...»

Инопланетянин навёл оружие на окуроч, и тот исчез. Я вспомнил слово «аннигиляция», тоже из детских книжек, хороших книжек эпохи наших героических космических полётов.

«Ишь, какой попался... Гуманоид. Быстро он с этим “ибо” справился. И с окурочком. Угрожает... А я ещё к нему с приветом...»

По щупальцу инопланетянин перебрался в квартиру. Он прекрасно в ней ориентировался, так как сразу прошел в туалет. Я пока решил потерпеть.

Но не тут-то было.

Вдруг на уровне балкона, чуть подальше от тарелки, зависло какое-то огромное серое сооружение, что-то вроде вагона электрички. Из сооружения неслась ритмичная внеземная музыка (прямо в мозг, разумеется), похожая на тот неприятный рэп, что любили наши соседи снизу и гнали нам с Клавой его прямо в мозги.

Из окна вагона высунулись некие чудища с пёсьими головами. Одно было очень грозное, похожее на бульдога, в чёрном шлеме. Рядом с ним на меня смотрела лисья морда в рыжем платочке. На шее бульдога висел бластер знакомой мне конструкции. Наверно, в космосе был свой концерн «Калашников», штампующий бластеры для всех цивилизаций.

В одной руке бульдог держал потрёпанный чёрный флаг, а в другой была толстая книжка. Книжка сама перелистывалась и подсказывала бульдогу нужные слова и мысли, в смысле, мыслеформы. На чёрном фоне рваного флага была зелёная мордочка моего знакомого гуманоида Йохомнененужномакароньчлучшененаливата.

Рэп рэпом – неприятно, конечно... Но и гости есть гости. – Приветствую вас, о, неопознанные посетители моей планеты Земля. Меня зовут Василий, тракторист... – обратился я, уже по привычке и от себя всё-таки добавил, не удержался, парочку мыслеформ, частично противоречащих искреннему звуковому приветствию.

«Послушай-ка, ты, – обратился бульдог с флагом, – мы прилетели издалека...»

«...И эти сейчас на унитаз будут проситься ...» – забеспокоился я.

«...Здесь где-то должен был пролетать поганый тетланин. Ты видел его?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.